

ОЛЬГА ВОРОПАЕВА
ВНЕ СЕБЯ

— КАК СТАТЬ ВЗРОСЛЫМ,
КОГДА ТЫ ВЗРОСЛЫЙ?

16+

Ольга Воропаева

Вне себя

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Воропаева О. М.

Вне себя / О. М. Воропаева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Как повзрослеть, когда ты уже взрослый?! Данная книга - своего рода дневник. Очень личная история героини без имени. Она живёт в обычном городе, обычной семьей. Всё так просто и банально, но при этом глубоко, местами трагично и волнительно. Сама героиня плывёт по течению, но, внезапно, начинает регрессировать в ребёнка. Она пугается, потом начинает радоваться от возможности "начать" всё сначала, но потом понимает, что жизнь была не так уж плоха, чтобы вот так просто взять её и перечеркнуть. В книге мы узнаем о пути одной девушки, в котором, определённо, можно узнать и себя.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Часть 1

Глава 1

Утро треснуло меня по щекам. Утром всё случалось заново. Каждый раз как русская рулетка будущего дня. Глаза открылись и барабан настроения закрутился. Щёлк... щёлк... Остановка. Вдруг что-то резко выстрелило в меня: на вкус как тоска и уныние.

Утренняя рулетка. Ежедневный ритуал, в котором я, почему-то, стала всё чаще проигрывать. Последняя победа, пожалуй, была в детстве, когда такое оружие вообще запрещено держать в руках. Ты просто каждое утро радуешься всякой ерунде.

Моё сегодня снова мутное. Проснулась вместе с внутренним неудачником. Открываю глаза, но совершенно не хочу вставать. Просто лежу и чувствую, как этот внутренний гад нагло шарит по мне руками. Хотела бы я проснуться в другом месте или другом теле, но каждое утро я просыпаюсь собой. Иногда кажется, что я невыносимо устала от себя. Если можно было бы навсегда уйти из этого сознания, послать его как можно дальше, я бы точно это сделала.

Жаль, что это невозможно. Я навсегда прикована к апатичному скучному человеку и не могу сбежать. Будто извращённый стокгольмский синдром. Если бы это произошло, то это уже была бы шизофрения. Или как там называют это умные люди?

Почему я не устаю постоянно думать, особенно весь этот выматывающий бред? Поток бесполезных мыслей не оставляет моё сознание ни на минуту, он терзает его как раньше пытали пленных, он ничего не получает взамен, но никак не может остановиться.

Может однажды я сойду с ума. Окончательно. Может именно тогда я буду счастливой. Или может эти мысли просто от погоды. Да, пусть в моей жизни она будет плохим персонажем, который хочет заставить меня быть несчастным и каждый день в семь утра придумает план как это сделать.

Однажды я найду силы вступить с ним в борьбу. Мы торжественно встретимся, пусть это случится на какой-нибудь высокой мысленной горе; драматично посмотрим друг другу в глаза, разойдёмся в разные стороны, а потом снова встретимся взглядом. Он будет честным, а я схитрю и пристрелю его. Сегодня же бой уже проигран, точнее моя капитуляция совершилась сразу.

Много же накопилось сора в голове, однажды надо будет взяться и выкинуть его. Может даже сходить к какому-нибудь специалисту. Только не сегодня, потому что уже пора вставать.

Кстати, забыла сказать о том, что мои родители испортили мою жизнь. Я точно могла бы быть другой, не думать обо всём этом и вставать в хорошем настроении, но я выросла вялой и безынициативной. У меня нет талантов и своего мнения относительно жизни.

В школе во мне расцвела только одна вещь – синдром отличницы, который толкал на зубрёжку и высказывания лишь «правильного» для учителей и родителей мнения. Это мне удавалось, а вот в остальное время я была просто среднестатистической и абсолютно обычной.

Я всегда боялась что-то предлагать или высказывать. Вдруг моё мнение оказалось бы слишком индивидуальным и мне пришлось бы его отстаивать. Да и ведь и так глупо отстаивать то, чего нет.

Точнее оно просто дублирует тысячи других людей или оправдывает чьи-то ожидания. Например тех, кто находится в данный момент в моей жизни или в какой-то конкретной комнате.

Мои вкусы также не были оригинальными. Помню блокноты и тетради, которые превращали в этикетки анкеты-опросники. В этих анкетах нужно было писать свои любимые блюда,

цвета, музыкантов. Мои ответы просто дублировали чьи-то. Теперь уже, правда, не помню, было ли это из желания подражать более интересным и популярным подругам, или от того, что своих пристрастий попросту не было.

Мне кажется, что если бы меня заставляли делать что-то важное, как моих подруг, подталкивали бы к разным занятиям, заставляя учить английский или ходить в музыкальную школу, то я смогла бы вырасти в успешного человека. Меня же не отводили на кружки, давая возможность бесполезно тратить время на игры дома. Подруги теперь так многого добились в этой жизни, а я молча выглядываю по сторонам из-за своего компьютера в офисе и утыкаюсь в спину их успешной жизни. Не могу пройти дальше и тихо завидую, продолжая тратить своё время на «игры».

Хм, а может я стала такой из-за того, что меня подавляли? Всё детство мне нельзя было лишней раз сказать своё слово, задать какой-то вопрос. Плюс ещё эти вечные манипуляции от мамы и бабушки... Бабушка, например, вбила мне в голову одно – если я что-то сделаю не так, она не будет меня любить. Каждый раз, если ей что-то не нравилось в моём поведении, она говорила мне: «От любви до ненависти один шаг. Ты свои полшага уже сделала.» Эти волшебные полшага никогда не сдвигались дальше, оставляя пространство между любовью и ненавистью всё таким же постоянным, но меня это до трясучки пугало. Я плакала, и всегда просила прощения.

Да, на меня никто не давил если я ленилась или теряла интерес к хобби. Никто не учил меня тому, что нужно не бросать, если не получается, не сдаваться, если что-то идёт не так. Всегда всё оставляли так, как есть.

Вот теперь близится моё стабильное тридцатилетие. Я продолжаю жить со своими родителями в обычной панельке, которая больше похожа на духовку, старающуюся уморить жарой каждое лето. У меня есть обычная работа и самая обычная жизнь, которая вяло тянется между офисом, просмотром сериалов и редкими увлечениями, иногда заканчивающимися ещё до того, как решила ими заняться.

Иногда я думаю о смерти. Точнее, я вижу, как со мной что-то происходит. Поэтому я не люблю высокие этажи и балконы. Благодарение высшим силам, что мы живём всего лишь на втором этаже. А вот работаю я высоко, поэтому каждый раз при взгляде из окна у меня мелькает быстрый образ того, как я прыгаю или просто случайно лечу вниз. Либо стоя на пешеходном переходе вижу себя, шагающую под машину. В голове сразу темно, только плачь родителей и похороны. После этого ко мне прокрадывается чувство тоски: этакий чёрный, обволакивающий тлен с привкусом чего-то таблетно-горького. Мама говорит, что меня стоит отвести к психологу. Пугала этим ещё с детства, но почему-то всё не отводила. Теперь же скопилось столько всего, что это уже не поможет.

Наша семья живёт самой обычной жизнью: у всех какая-то работа; будни сменяют выходные, а те снова переходят в будни. Что-то происходит каждый день, но ничего важного. Обычная семья, а мне всё равно иногда кажется, что я – лишняя. Мама красивая и упорная, папа спокойные и рассудительный, а я болтаюсь в каком-то вакууме. Иногда я представляю себе, как мама зовёт меня вечером на кухню и говорит: «Мы тебя удочерили. Я не знала как об этом сказать, но теперь смерть пришла, а ты не можешь исправить даже это... Даже здесь твои ДНК не помогут. Можешь собирать свои вещи и сваливать из нашего дома». Сердце стучит так быстро, что начинает тикать даже в висках. Обида переполняет меня и вытекает в глаза. Плачу, но собираю вещи и ухожу навсегда куда-то в пустоту.

Чужая девочка, которая так и не стала обладателем талантов. Теперь могу податься только к бабушке...

Бабушка. Не ласковая женщина послевоенной закалки. Именно поэтому мне до сих пор забавно и непонятно, как к ней смогло приклеиться ласковое прозвище – Бабу. Никто не пом-

нит, откуда оно пошло, но с уверенностью могу сказать лишь одно – это самое милое, что в ней есть.

Детские годы неразрывно связаны толстой прочной нитью с Бабу и её небольшим и не самым ухоженным домиком. Он топорщился недалеко от центра города. Маленький и деревянный, этот домик всегда напоминал всем моим детским друзьям дачу, хоть и находился в таком выгодном месте городе. Именно там были содранные коленки и шрамы. И именно там была вся куча домашних животных, о которых обязательно расскажу позже. Бабу и её жуткий домик – это не просто время и место, это целый ворох разных историй. Многие вспоминать не хочется, но какая-то часть, я уверена, всё-таки проскользнёт на эти страницы.

Как уже успела упомянуть, бабушка самый едкий персонаж в нашей семье. Всегда пытается всех заставить исполнять её пожелания, всегда знает как лучше и безапелляционно учит жизни. Она как Гитлер – безудержно трудящийся над тем, чтобы ломать волю и навязывать свои принципы.

Бабу ненавидит чужих людей, искренне считая всех, кто не входит в круг нашей семьи, заклятыми врагами и дураками, не знающими как нужно жить. У неё в голове есть список недругов, который запросто пополняется новыми людьми. Логика в нём нет, а значит попасть туда может каждый. Думаю, папа сразу оказался в этом списке, а мы с мамой периодически ходим где-то рядом. А может и мы уже давно там, просто кровные узы спасают нас от гнева этой желчной женщины.

Бабушка периодически «чудит», прекрасно владеет интернетом и убьёт любого незнакомца за «своих». Для завершения портрета стоит лёгкими мазками набросать её внешность. Немного страшно описывать её, вакансии в список всегда открыты. Но всё же пару слов стоит о ней сказать.

Она очень похожа на своих братьев и всех остальных родственников по мужской линии. По крайней мере, так говорит мама. Её излишне крупные черты лица и большая голова достались Бабу от семьи. Твёрдый характер же, как уверяют астрологи и те, кто верит в эту чушь, достался ей от звёзд. Поэтому если вы тоже в это верите, то она самый настоящий «телец».

Волосы Бабу уже давно поседели, но остались такими же густыми и сильными как в молодости. Хрупкой она никогда не была, но и лишний вес не рискнул к ней подступить даже с возрастом.

Мама-папа. Для меня они, скорее, как один большой человек, который изощрённо пытается всё контролировать, раздавая непрошенные советы мне и Бабу, а ещё, конечно, выступает в роли критика. Если рискнуть и рассказать пару слов отдельно об отце, то возникнут сложности. Ведь он – небольшая мамина тень, которая почти никогда не спорила ни с кем из женской части нашей семьи. Вся харизма досталась маме и бабушке, которые себя всегда считали самыми мудрыми и беспристрастными.

«Запомни, от нас мужчины уходят только в могилу» – говорила мне иногда мама, повторяя слова Бабу. С этим приходится согласиться, ведь именно так поступил дед, а до него, ещё несколько дедов. Папа в этой не верил, но, кажется, на самом деле всегда боялся этого вымышленного проклятья и на всякий случай старался не спорить. Глядя на него, видишь смирение человека, попавшего в печальные обстоятельства и точно знавшего, что выпутаться не получится.

Все мы можем спокойно уживаться, но с каждым годом чувствую всё большее давление своей странной семьи. Может однажды и я наконец-то выпорхну из гнезда, которое стало мне мало уже много-много лет назад.

Последний персонаж моей истории – Дюк. У него есть обычное, человеческое имя, но всех нас он только Дюк. Кажется, я уже не помню его другого имени. Почему он стал себя так называть? Возможно, потому что считает, будто это делает его круче.

Это не так. Его жизнь такая же простая, как и моя. Между нами нет захватывающего, геройского или даже просто джентльменского. Но всё же это мой парень уже почти два года. И я всё ещё не знаю, люблю ли его и зачем это всё нужно. Меня часто спрашивают – счастлива ли я с ним, а я не знаю, что сказать.

Я знаю лишь то, что не хочу быть одна. Это самое худшее, что может быть в жизни женщины. Одиночество и осуждение от знакомых, которые уже давно замужем. Может они не слишком счастливы, но зато они точно могут не бояться пересуд. Их никто никогда не станет называть старыми девами. Несколько лет мама постоянно спрашивала меня о том, когда же я выйду замуж. И я должна наконец-то выйти замуж. Дюк созреет и мне будет для кого-то готовить, хотя меня уверяют, что готовить я не умею. С другой стороны, делать что-то только для себя – эгоизм. А мама и бабу всегда говорили, что я не должна быть эгоисткой.

Иногда, если я вдруг думаю о том, что может подыскать кого-то получше, я представляю себя в шестьдесят лет. Мои волосы уже с проседью, лицо в спешке за лучшими годами потеряло прежний овал, а брови интимно соединились наконец-то обретя друг друга. Вижу эту грустную пожилую женщину с кучей кошек, а может и всего одной, но какая-то живность точно есть. Она сидит за ноутбуком, немного ссутулившись, так как тяжесть этих лет отпечаталась окончательно на обрюзгшем теле. Она ест печенье, и крошки валяются изо рта на пол и клавиатуру, а часть, возможно уже навсегда, осталась в складках застиранного халата.

Ноутбук мельтешит яркими картинками. Но вдруг – женщина чувствует, что не может дышать. Дурацкое дешевое печенье встало прямо в горле, оно слишком сухое, чтобы пройти дальше, оно быстро наполняет крошкой лёгкие.

Старая версия меня вскакивает, хватая руками воздух, точно, как в фильмах. Пачка с печеньем летит вниз, а за ней и я падаю на пол, задевая головой десятка два острых углов. Они давно задумали убить меня и теперь дождались своего часа.

Моё лицо уже начинает немного синеть, а я перестаю дышать. Мой труп никому не нужен, как не нужна была и я сама. Одиночество пенсии, внуков нет, мужа и детей нет. Меня начинают глотать кошки, потому что их еда уже закончилась. Теперь я – их единственная возможность выжить.

Найдут меня через пару недель, а может и дней, если повезёт. В квартире вонища и беспорядок. Что смогла увидеть со стороны? Только отвращение на лицах тех, кто это обнаружил. На них не было даже жалости.

Картинка постепенно растворяется в мыслях. Всё-таки я определенно люблю Дюка.

Может быть даже стоит рассказать и про себя пару слов, больше не получится. У меня самая стандартная внешность: коричнево-зелёные глаза, которые иногда чуть больше коричневые, а иногда больше зелёные. Почему-то они, как и я, так и не определились в этой жизни. Если была бы возможность выбрать, то я бы выбрала зелёные глаза. Когда-то прочитала в журнале, что они самые редкие.

Немногочисленные волосы очень тусклые: серого оттенка, словно на голове кто-то оставил мышьиные шкурки. Однажды увидела у одной девушки описание таких же волос как мои, что этот благородный оттенок можно назвать исконно русский. Будто волосы отдают холодом остывшего пепла. Никогда не читала больше чуши. Считаю что нужно быть реалистом и трезво оценивать то, что у тебя есть, не напуская на неказистую внешность нелепости поэзии.

Я всю жизнь мечтаю о том, чтобы покрасить их в какой-то другой цвет, но мама говорит, что мои волосы и так слишком тонкие, не дай бог их травмировать краской. Да и угольно-чёрный точно будет меня старить, а блонд сделает бледное лицо более болезненным.

Кстати, на верхней губе, справа, у меня есть небольшой шрам. Хотелось бы иметь красивую историю о его возникновении, но всё вышло банально и неуклюже. Просто в глубоком детстве я так неудачно пробороздила ковёр лицом, когда пыталась изобразить грацию гимнастки. На полу был разбросан какой-то конструктор, который и собрала моя губа. Пришлось ехать в больницу и после ходить с огромной некрасивой болячкой. На детских фото того времени я постоянно прикрываю рукой рот, чтобы скрыть этот позор.

Как уже и говорила, в детстве я копировала всех, чтобы не выделяться. И в этом отлично преуспела. Сейчас я могу назвать себя золотой серединой всех тестирований. По-прежнему не люблю спорить и ненавижу выскочек, привлекающих внимание.

Мама всегда говорила, что у меня плохая фигура, слишком плотная, а ещё, что у меня очень плохие волосы и наследственность. А Бабу говорит, что у меня достаточно плохое здоровье, поэтому я стараюсь обходить стороной спортивные залы. Да и когда-то я пробовала пилатес, но него всегда так болела голова... А как-то раз меня так сильно укачало на велосипеде, что прогулка закончилась тошнотой прямо в дверях лифта. В общем, я окончательно поняла, что это не моё и постаралась смириться с отражением в зеркале, которое всегда вызывает чувство тоски и даже ненависти.

Хотя, вот недавно я узнала, что от мороженого нельзя простудить горло и почувствовала, что меня всё детство обманывали. Сотни разогретых до жидкого состояния мороженых сразу тихонько подняли внутри меня бунт за то, что Бабу учиняла над ними такую расправу. Захотелось сразу съесть миллион холодных йогуртов и мороженого, но боязнь заболеть засела слишком глубоко. С другой стороны, может врачи пытаются нас обмануть и нагреть свои карманы на наших простудах. Бабу вряд ли стала бы мне врать, так что пойду подогрею творог, зима всё-таки.

Глава 2

Праздники кончились, а вот морозы нет. Зима разбрасывала минусы всю ночь, а потом совсем озверела и начала стучать морозом в стекло. Кажется, мне в темноте виделся её наглый оскал. Я слышала, как она шуруется, смеётся и хищно щёлкает белоснежными зубами.

– Как же не хочется идти на работу! – сказала я вслух, констатируя очевидный факт и сморщив губы так сильно, что они начала напоминать попу кошки.

Пустая квартира никак не отреагировала на моё восклицание. Дома давно никого не было – остальные уже ушли на работу.

Даже в сумраке комнаты не хотелось открывать полностью глаза и окончательно просыпаться. Руки шарили в темноте, в поисках телефона, чтобы ещё раз удостовериться, что сегодня точно рабочий день и что обязательно нужно вставать. Глаза пришлось насильно открыть, заставить себя встать и почти пинком отправить на кухню – варить ежедневную овсянку. Причём на это важное дело я могла отдать пожертвовать только одну руку; вторая пригодится для экспресс-макияжа. Если не успею накраситься, то все коллеги опять будут меня спрашивать – не заболела ли я.

Самое забавное, что какой-то момент утренних сборов почувствовала, что заболеваю. Хм, а ведь и первые мысли спросонья были именно такими. Точно, теперь чувствую: тяжёлая голова, нос заложило, да, ещё и горло определённо чешется. Да, точно заболела. Печально, ведь уже почти собралась. Но всё равно придётся звонить на работу.

Магическим образом телефон быстро оказался в руке. Сидя на не заправленной кровати, будто она точно знала, что я сегодня к ней вернусь, я начала нервно чесать кожу головы. Всегда переживаю, когда нужно решать какие-то неприятные ситуации. Вдруг на работе запретят остаться дома или начнут задавать какие-то вопросы. Но звонить надо.

А может и не надо? Не так уж мне и плохо. Могу просто пойти на работу. С другой стороны, явно начинаю болеть и могу же заразить кого-то. Всего один или два дня дома и никому не сделаю хуже. Точно надо звонить. Надо спросить у мамы, она точно знает, стоит остаться дома или нет.

Пишу сообщение, а сама нервно кашляю рядом с телефоном, набирая усердно текстовое сообщение. Мама отвечает быстро, мама, конечно же, советует идти на работу и не придумывать глупостей. Мама, как всегда, хочет, чтобы мне было плохо. Лишь бы я только не сидела без дела! Где была её твёрдость в моём детстве? Лучше напишу Бабу.

Бабу ответила не сразу. Я начала переживать, что она так и не ответит и придётся плестись в офис, потому как время на раздумья практически ушло. Почти начав заправлять кровать, я услышала спасительный звук сообщения. Взяла телефон и радостно выдохнула. Бабу посоветовала лежать дома и скорее поправляться. Предложила завезти мне лекарств и какой-нибудь еды.

Другое дело. Лекарства от Бабу мне не очень нужны, она всегда начинает перебарщивать с заботой, а вот от еды я бы не отказалась. Чтобы такого попросить... Может тех самых сложных бабушкиных котлет или суп. Может сырники?

Ой, нужно же позвонить на работу. Или может просто написать... Конечно написать. Вдруг я могу отвлечь директора от чего-то важного. А так предупрежу и всё. Думаю, не будет проблем. Сообщение мгновенно улетело.

Обратное письмо от начальника отрываю с трепетом. Уже придумываю как начать ему доказывать, что я практически смертельно больна, но он просто написал: «Понял, поправляйся. Будет что-то срочное – свяжусь.»

День дома, но ощущения как у школьника, прогуливающего школу. Внезапное чувство стыда колет как ночной мороз. Хотя нет, это определённо температура. Чувствую, как жар

распалется по щекам и хлещет меня, чувствую мороз в пальцах и мурашки даже под тёплой кофтой. На градуснике уверенные «37». Хорошо, что осталась дома.

Одеяло укутало меня и заново отправило в сон.

В бреду болезни, растянувшейся в итоге уже на три дня, выходные прокрались как-то незаметно. С их приходом ушло и чувство стыда за то, что я не на работе.

Да и так приятно совпало начинающееся выздоровление с приходом субботы, что не смогла сдержать улыбки облегчения. Просмотр фильмов можно теперь запустить в режиме нон-стоп, не переживая, что кто-то посмеет нарушить священный покой работой. Кстати, Дюк за эти дни не появлялся совсем. Кажется, даже не писал, а, между прочим, мне было очень плохо. Если бы я оказалась в больнице, он бы даже не узнал и не навестил.

Жаль, что Новый год уже прошёл, нет возможности остаться дома и не выходить в понедельник на работу. Время чудес закончилось. Кстати, Дюк же уехал на новый год к друзьям, кататься на лыжах. Мне там делать со своим здоровьем нечего, хотя умудрилась простыть и здесь. Может он просто ещё не вернулся и поэтому не выходит на связь? Интересно, а он поздравит меня с праздником или будет как в прошлом году?

Наверное, мы просто наскучили друг другу. Поразительно, как быстро это происходит. Казалось, что он был во мне заинтересован вначале, хоть и начались отношения больше по моей инициативе. Когда-то в начале всё было не так уж плохо. Местами проскакивало что-то вроде романтики и привязанности. Временами казалось, что это самая настоящая любовь.

Помню первое свидание. Было холодно. Дюк предложил прогулку, а я каким-то чудом уговорила на кафе, потому как для меня погода не очень подходила. Место, куда мы пошли, было недорогое, но уютное: этакий азиатский шик, с аутентичным интерьером и персоналом. Дюк сразу сказал, что не понимает, как можно тратить много денег на еду, но всё же учёл моё желание не бродить по улицам в такой холод. Мы встретились вечером, в одной из уединённых частей города. Мы ели палочками необычную вкусную еду и разговаривали.

В тот первый раз говорили очень долго и даже держались за руки. После еды Дюк отвёз меня к себе. Насыщенный вечер закончился первым поцелуем и первым сексом. Утром было немного стыдно – до этого никогда не позволяла себе ничего подобного на первом свидании. Дюк же был привлекателен и настойчив. Я просто не смогла отказать. Пришлось, правда, уезжать от него поздно ночью. Этот подлец, видите ли, не мог позволить мне остаться, но я подумала, что это начало отношений, которые обязательно перерастут во что-то хорошее.

После этого дня он не писал несколько дней. Конечно же, я сильно тревожилась и написала первой, но в итоге оказалось, что он просто заработался и уже собирался мне писать сам. Мы снова встретились, но на этот раз сразу у него. Меня всегда удивляло то, как быстро он впустил меня в свой дом и своё сердце.

Мы с Дюком всегда были разными. Мне было неловко говорить своё мнение, ведь оно могло обидеть кого-то. Поэтому я редко говорила о том, что чувствую. Дюк же всегда потрясающе честно выражал свои мысли, не боясь задеть меня или своих друзей. Он просто об этом не думал и чувствовал себя при этом прекрасно.

Если вдруг счёт за обед или ужин оплачивал он, то потом долго рассуждал на тему того, как все любят быть феминистками, хотят везде и всюду отстаивать свои права, но при этом никогда не хотят платить за себя в кафе, тут же перекладывая ответственность на мужские плечи.

– Считаю, что женщина должна уметь сама себя обеспечивать. – говорил он в такие моменты. – Неприемлемо сидеть на шее мужа.

– А если он больше зарабатывает? – говорила я, а потом резко понимала – это точно не то, что ему хочется услышать. – Хотя да, ты прав. Я тоже считаю, что нужно одинаково вкладываться в развитие семьи.

– Мужчина не должен один брать на себя всю ответственность. С чего мне всех подряд кормить и одевать?

Тут ведь как можно спорить. Может кто-то поумнее и смог бы, а я соглашалась, даже несмотря на внутреннее возмущение.

Помню второе и третье свидание. Он уже чувствовал меня своей. Претензии и советы по поводу моей внешности и характера проскальзывали между нами всё чаще, будто он сажал на меня холодных тяжёлых змей. Но я почему-то радовалась, казалось, что ему просто слишком хочется сделать меня лучше, а значит ему не наплевать.

«Тебе не очень идут яркие помады. Все женщины с таким макияжем выглядят пошло и дешёво. Ты же не проститутка.»

«Не делай эти дурацкие косы, тебе же не двенадцать.»

Иногда Дюк даже раздавал советы по гардеробу.

«Тебе не стоит выбирать такие открытые платья с твоим размером груди. Выглядит так, будто я иду рядом с парнем.»

«А у тебя есть длинные платья? Это слишком короткое. В нём ноги смотрятся огромными.»

Когда он рассуждал о моей внешности или комментировал кого-то ещё – его глаза начинали красиво светиться. Мне нравилось видеть этот огонь, зажигающийся яркой точкой, пусть и немного нездоровый. Я не была с ним согласна во всём, но мне было не принципиально иметь свою точку зрения на каждый вопрос, а спорить я всегда ненавидела.

Второе свидание прошло. Потом третье. Мне было приятно рядом с парнем. Он был такой высокий и красивый. У меня ещё не было таких мужчин. Хотя, можно сказать, что их вообще особо не было в моей жизни. Несмотря на это, всё равно казалось, что он прекрасен. Где мы не находились, все женщины явно начинали мне завидовать, едва увидев нас вместе.

Иногда я начинала слишком его идеализировать. Тут уж ко мне приходило сомнение: «Почему он со мной?» «Я действительно ему нравлюсь?»

Он был слишком красивый, а я, как вы знаете, нет. Я не дотягивала до стандартов, поэтому старалась делать всё, чтобы он чувствовал потребность в моей персоне. Вряд ли кто-то ещё смог сделать жизнь такой приятной.

Оставалась у него дома, чтобы прибраться. Он ни разу не сказал спасибо, а может просто не замечал этого. Я делала ему завтраки-сюрпризы, всегда старалась быть разной, исполняя его желания. Периодически я натякала на статьи, запугивающие бедных девушек тем, что мужчины начинают смотреть на других женщин, если огонь страсти в постели показал хотя бы намёк на затухание. Читала этот абсурд, размышляя о том, что это всё кажется каким-то надуманным, а потом неслась в магазин нижнего белья за новым комплектом, который, как говорилось в журнале, должен сразу же вернуть свежесть в отношения. Будто все эти примочки мятная жвачка.

Дюка мои ухищрения не брали за живое. Да он и не замечал особых изменений. Либо его спокойная натура не считала нужным как-либо комментировать мои «приёмы» и заигрывания. Иногда это расстраивало. Иногда расстраивало то, что я старалась для него на миллион процентов, а он даже ни разу не подарил цветов. Плюс всегда забывал про наши годовщины. С другой стороны, разве хоть один нормальный мужчина помнит о таком?

Родители Дюка умерли, поэтому он мог бы жить один. Мог бы, но он сдавал одну из комнат своей знакомой. Причём как я случайно узнала, своей бывшей. Они, конечно, очень давно не вместе. После Дюка она успела побывать замужем и развестись, но легче от этого мне не стало.

Я пыталась намекнуть, что это положение дел кажется мне нездоровым, но доводы Дюка всегда перекрывали мои. Он всегда говорил, что не видит смысла жить одному в такой большой квартире одному и платить столько денег впустую. Меня он к себе жить никогда не звал, а у меня просто не было возможности снимать жильё с моей микроскопической зарплатой. Однажды точно всё изменится. Мы встретимся где-нибудь в ресторане. Дюк сделает мне предложение и тогда уж мы точно начнём жить только вдвоём.

Пока, я продолжала иногда помогать ему с уборкой, особенно если его бывшая уезжала в командировку. Тогда Дюк оставался в квартире один и звал остаться на ночь.

В такие дни я готовила нам ужин, который, правда, он периодически критиковал, создавала уют и стирала. Казалось, у нас что-то вроде семьи. Стоит чуть потерпеть и мы обязательно поженимся. Будем жить в его огромной квартире, проводя уютные вечера на диване с фильмами и планируя совместные поездки куда-нибудь далеко.

Сейчас просто обычный вечер. Я ползаю как таракан между мебелью. В руках тряпка, вокруг куча неубранного пространства. Ползаю, тру пол, изредка косясь на Дюка. Он сидит как обычно в телефоне, иногда улыбается. Красивый он, когда улыбается. Светлые волосы за ухом, одна рука подобрана под голову. Улыбаюсь ему, а он не видит. Сидит и продолжает улыбаться чему-то своему.

Уборка почти окончена, можно поговорить немного с Дюком. Ведь если не вовлечь его насильно в диалог, он так и останется в своей параллельной реальности.

– Дюк, хочешь приготовлю что-нибудь этакое. Что ты любишь.

Дюк недовольно отрывается от телефона.

– Не, опять сделаешь что-нибудь не так. Давай что попроще.

– Я постараюсь. Всё-таки, что ты хочешь?

– Не знаю. Без разницы.

– Да брось, что-то же точно хочешь больше.

– Говорю же. Мне-е, б-е-е-з разницы. – растягивая слова красивым ртом отвечает Дюк.

– Ладно... – стою как дура с тряпкой, стараясь не расплакаться от обиды. Неужели так сложно сделать мне приятное и придумать что-то...

Стою рядом ещё пару минут, придумывая новую тему для разговора.

– Ты так и будешь стоять над душой с грязной тряпкой? – включился самостоятельно в диалог Дюк.

– Нет, сейчас всё унесу. –обида таки пришла ко мне. – А как ты думаешь, нужно ли в семье делить всякие обязанности по уборке, стирке там?

– Конечно нет. Гладят и стирают сейчас машины, а приготовить еду – это вообще фигня. Нечего делить.

– А если женщина устала?

«Как я сейчас.» – вздохнула я про себя.

– От чего можно устать?

– Ну вот приходит с работы, а ещё всякие дела...

– Ну если она на шахте работает, то ещё ладно. А такие как ты целый день торчат в офисе, перекладывая бумаги и смотря в монитор. От чего можно так устать, что даже сложно потратить полчаса на еду?

– Я устаю... Это же тоже работа.

– Так ты считаешь, что я не прав? – он как-то немного скис и уже потихоньку начал злиться. Последнее время все наши разговоры походили на зону военных действий. Каждый разговор как минное поле, на котором меня постоянно подрывало.

– Конечно прав... Хочешь что-нибудь на десерт? – надо было сменить тему.

– Нет, не хочу. Ты забыла, что я ненавижу сладкое? А тебе вообще не стоит. Ты же сама говорила, что у вас в семье предрасположенность к полноте. Твоя же фигура и так всегда в пограничном положении.

Пришлось идти на кухню делать ужин, роняя с лица в картошку лишнюю соль. Позже вечером было даже мило. Он не слишком критиковал мою еду, я не успела ещё раз его разозлить. Мы что-то смотрели и говорили на нейтральные темы, словно удалось заключить пакт о ненападении. После Дюк уснул, а я пошла мыть посуду, снова мечтая о том, что когда-нибудь у нас будет семья. Буду работать, может даже в каком-то интересном месте, а вечерами и по выходным готовить для нас и наших детей вкусную еду.

Глава 3

День начался плохо. Утро хмурилось в ответ на недовольные лица людей, которые обречённо толпились в транспорте. Несколько раз вокруг переругивались визгливые женщины, а один раз даже мужчина. Немудрено, что все такие злые. Их жизнь наверняка крутится вокруг пьющих мужчин, а все вечерние заедания горя и отсутствия любви отчётливо виднеются даже через уродливые пуховики. Наверняка эти морщинистые лица, с опущенными уголками губ, даже дома постоянно зудят и поучают.

Рядом стоит безразмерная женщина с кучей сумок. Может уступить ей место. Хотя она сама же выбрала такую участь. Вот зачем было всё это тащить уже с утра и забивать транспорт своим телом и этими дурацкими сумками.

Долгое время меня никто не трогал. Казалось, что пронесло, сегодня спокойно доберусь до работы. Но посередине пути меня тоже вовлекли в дурацкие разборки, призывая к тому, что нужно бы место уступить. С радостью, но ведь я и сама себя не так уже и хорошо чувствую. Хотелось сказать об этом, но предпочла молча встать и уйти в другой конец транспорта, чтобы не слушать всю оставшуюся дорогу о том, как прогнил этот мир.

Почему эти женщины такие злые? Так обидно. Словно этот день решил стать с самого начала самым худшим. Наверняка плохое приключится и на работе. Чувствую, что сегодня будет много неприятностей.

Остаток унылой дороги до работы прошёл за любимым занятием – включать внутреннего стилиста, рассматривая внешность окружающих людей и мысленно обдумывая, что же в них не так. Вот этой, темноволосой, неплохо было бы меньше краситься. Блондинке напротив определённо стоит поменять причёску, да ещё и гардероб – эти цвета она может себе позволить точно не в такой опасной близости от лица. А двум болтающим подругам за тридцать точно стоит сделать себе подарок в виде косметики. Я никогда не позволяла себе выходить из дома без опрятного макияжа. Ведь можно же сделать его совсем лёгким, но таким, чтобы не походить на панду.

Почти к концу моего транспортного пути зашёл Валентин. Мужчина, который выглядит немного как бомж, немного как серийный убийца или просто городской сумасшедший. На самом деле, я не представляю как его зовут. Я не знаю о нём ничего, но мне кажется, его должны звать именно Валентином. Несколько лет назад, когда увидела его впервые, я начала играть сама с собой в эту странную игру и теперь не могу остановиться. Если вижу необычного человека, то придумываю для него имя, а если ехать далеко, то и целую биографию.

Валентин, например, когда-то был музыкантом, ведь его тонкие грязные пальцы постоянно перебирают одежду, словно пытаются по привычке найти инструмент. Валентин был молод, ему тогда было только шестнадцать лет. Он всем вокруг подавал надежды. К сожалению, однажды он встретил женщину, в которую влюбился. Та была опытна, ей нравилось внимание Валентина, его юность и беглые пальцы. Она забеременела от него и поняла, что совершила глупость. Ей сделал предложение иностранный кавалер, который мечтал о ней со времён их учёбы в институте. Она решилась и уехала с этим кавалером в другую страну, рожать ребёнка Валентина в чужом городе, с чужими людьми. Валентин пытался её искать, остановить, но он был нищим ребёнком. Его природный дар никак не смог ему помочь и тогда он поклялся, что больше никогда не притронется к музыке даже мыслями.

Валентин отучился в дурацком техникуме на слесаря и остался нищим. Он пил, чтобы унять тоску и суметь не возвращаться мыслями к музыке. Валентин каждое утро пытается не уйти окончательно в запой и уезжает работать. Кажется, он начал немного сходить с ума, в какой-то из дней не сумев справиться с пуговицами. Возможно, его уже уволили, и он просто

катается в транспорте по привычному маршруту, так и не сумев совладать с коварным рядом пуговиц и молний.

Вот и офис. Кабинет, стол, люди. Всё именно так, как было. Ничего не поменялось, да и не могло. Работать сегодня особенно не хочется, но бесконечно болеть не получится, а отсрочка на пару дней и так случилась.

Расписывать мой офисный день нет смысла. В нём было много суеты, опозданий, нареканий и ничего особенного. Начальник начал ругать за один из сорванных сроков по важному проекту, а ведь я даже не была виновата. Конечно же, я молча выслушала его упрёки, конечно же, я ревела в туалете.

Кроме этого, ещё один момент меня расстроил. Я всегда прихожу первой на встречи, всегда прихожу первой на работу. После болезни хотелось успеть наверстать дела и устроить плодотворный день, но я не была бы собой если бы не сломала чужой компьютер. Мне просто нужно было взять файл с рабочего стола коллеги, а так как она всегда приходила с получасовым опозданием, то пришлось залезать в её личное пространство. Итог, как уже и сказала – сломанный компьютер.

«Ах ты ж чёрт. Не была столько времени и первое, что сделала – сломала комп. Ну отлично. Пусть мне ещё вкатят за порчу имущества. Зарплату и так наверняка урежут из-за праздников и выпрошенного больничного, так ещё и этот косяк!»

Я честно пыталась его реанимировать, честно пыталась придумать что-то, но чуда не случилось. Я сидела за своим рабочим местом и молила вселенную послать мне спасение.

– О. Как всегда на месте. Как себя чувствуешь? – Коллега, которая ещё не знала о том, что у неё сломано рабочее место, радостно поприветствовала меня.

– Хорошо... Я тут...

– Ой, у нас тут столько всего было забавно. Сейчас налью кофе и расскажу. А ещё представляешь, я ехала сегодня на работу. А тут... – и её понесло. Она всегда много говорила, но сейчас это было похоже панику в общественном месте, когда огромная толпа начинает ломиться в одну маленькую дверь. Я честно пыталась пару раз вставить хоть слово, но эта задача не далась мне.

Из неё лились красноречивые потоки слов о том: что она съела утром, что съела вчера и как этим чуть не отравилась; как смогла наесть всего лишь один килограмм на праздниках; как ей пытались нахамить в автобусе. Она рассказала мне про всё, что случилось на неделе в таких подробностях, что у меня возникло ощущение, будто в десяти минутах уместилась целая неделя, и что всё это время я провела в офисе.

Когда она немного выдохлась и её речь смогла уменьшиться до небольшого ручья, я попробовала ещё раз рассказать о тех новостях, о которых она, чудом, ничего не знала.

Мне снова не удалось. Она уже пыталась сама включить компьютер. Я снова молилась, надеясь на то, что это лишь у меня такие корявые руки. Но нет, ничего не заработало, так ещё и катастрофически рано появился начальник.

У меня не хватило мужества сознаться, а коллега уже сама бодро разбиралась с этой задачей.

– Яков Григорьевич, у меня что-то с компьютером. Не включается.

– Начинается. Вас одних даже утром нельзя оставить. Что с ним?

– Если бы я знала, но не говорила бы, что он сломан. Без понятия. Не включается и всё тут.

– Ладно. Пошёл звонить в поддержку. Надеюсь, быстро отправят к нам мастера. Можешь пока занять мой, если есть срочные дела.

– Ну что вы, срочного нет, я же всё закрываю в пятницу. – хитро улыбнулась коллега. – А сегодня все клиенты ещё спят. Вы же знаете, у меня все не местные.

Я смотрела на их диалог и видела, как мужество помахало мне рукой и окончательно меня покинуло. Я пыталась делать вид, что погружена в работу, утешая себя тем, что ведь по сути и не важно кто его сломал, делать всё равно будет мастер.

Дорога до дома снова унылая, пока ехали с коллегами каждый до своей остановки, на нас накричала женщина за то, что мы громко говорим. Потом мне наступили грязными ботинками на ногу. Было больно и обидно. В магазине передо мной забрали последний кусок любимого сыра, а потом, как обычно, случился ступор именно на той кассе, где я стояла. Время будто попало в желе и никак не могло выбраться. Казалось, этот день никогда не обнулится.

После долгого подъёма на свой этаж. Лифт, конечно же, не работал, я открыла дверь в квартиру и почувствовала, что дома какая-то странная атмосфера: гнетущая, излишне тихая. Конечно, периодически тоска захаживала к нам в гости, но никогда не делала этого так откровенно. Сегодня чувствовала себя далеко не гостем – она была тут хозяйкой. От самого воздуха комнат стало как-то потно, липко.

Родителей не было слышно. Даже показалось, что никого нет дома, но нет, они молча сидели на кухне.

Начала мама, даже не спросив, как прошёл мой день. Прелюдии в семье никто не любил.

– Дочь. – официальное начало ткнуло меня в правый бок. – Меня скоро будут оперировать. Мы не хотели говорить. Ты и так слишком слабая, не хотелось на тебя сваливать ещё и такие новости. Но сейчас уже нет возможности скрывать. Мне придётся поехать вместе с папой в другой город на несколько недель. У нас не оперируют. Реабилитация будет долгая, но пока неизвестно насколько. Может быть, мне повезёт и организм справится быстро, может нет. Врачи у нас плохие, сама знаешь. Если бы мы жили где-то ещё, то и болезнь хорошие доктора заметили бы значительно раньше. Денег у нас лишних нет, ты знаешь, поэтому я ждала квоту. Очередь подошла, поэтому мы скоро уезжаем. Папа взял небольшой отпуск, чтобы мне помочь.

– Да, я еду с мамой, чтобы помогать ей, а ты останешься дома. У тебя работа, да и за Бабу надо будет смотреть. Она временно к нам переедет.

– То есть на самом деле она будет за мной смотреть?! Вообще-то, мне не пятнадцать, почему я просто не могу пожить одна?! – огрызнулась я, но сразу же почувствовала, как меня кольнула совесть. – Мама! Ты же не умираешь? Всё пройдёт хорошо? Почему вы ничего не сказали?! – на глазах уже выступали слёзы, а мамино лицо поплыло.

– Нет, я не умру. Как раз поэтому и не сказали. Ничего не случилось, у тебя уже истерика. Перестань реветь. Никто не собирается умирать.

Это оглушило. Как же я смогу дальше спокойно жить, как мне всё успевать? А если мама умрёт, тогда вообще придётся всё делать самой, ведь папа сам как ребёнок. Как же было проще в детстве. Никто не заставлял что-то делать или решать. Я могла просто бегать по улице или играть, а теперь всё слишком сложно.

Что-то мне вдруг стало как-то душно и дурно. Сначала голова начала немного кружиться. Может это приступ паники или обострение моей вечной невралгии? Ещё минута и мир окончательно решил перевернуться. Потом цвета резко изменились и мир вокруг стремительно начал падать вниз. Мозг отключился.

Не знаю сколько прошло времени, но открывать глаза было страшно. Что это было? Может у меня аневризма? А может другая смертельная болезнь? Надо обязательно показаться в эту среду терапевту. Нет, иду завтра к платному. Вдруг не доживу до среды...

Открыла глаза. Почему-то мир квартиры какой-то немного серый и перевернутый. Я хотела кого-то позвать, но голосовые связки не слушались, только откуда-то зазвучал дикий рёв.

Попыталась встать и поняла, что тело не слушается. Словно меня связали по рукам и ногам. Может это сонный паралич. Как-то читала про такое. Я стала пытаться пошевелить руками и ногами, пытаюсь сделать хоть что-то. Я чувствовала изнутри, как паника бьётся о виски, а сердце колотится. Вдруг я увидела прямо перед глазами чьи-то крохотные пальцы, сморщенные как рука старика.

Потребовалось ещё некоторое время, чтобы понять, что эта рука принадлежит мне. И ещё какое-то время и отход от шока, осознав, что рёв, который я услышала – был мой собственный рёв.

И снова сердце забилося. Только теперь начало казаться, что и оно бьётся о стенки висков, пытаюсь выбраться. Оно явно пыталась сбежать, осознав происходящее.

На мой ор никто не приходил, а в голову начали навязчиво проситься разные воспоминания из детства. Помню, как вдавила случайно стекло в шкаф и ждала под столом, бесконечно долго ждала, пока родители не вернуться и не узнают о том, что я сделала. Было страшно, примерно также как сейчас. Устало и как-то отдалённо почувствовала беспомощность. Хотелось прорыдаться, чтобы стало легче.

Наконец-то подошла мама. Она что-то говорила, но из-за собственного воя я не сразу услышала её.

Она погладила меня по голове и даже нежно поцеловала. Она никогда так не делала. Она всегда была со мной немного грубовато-отстранённой, а тут сразу столько ласки. Так вот как это, когда родители тебя любят. Она взяла меня на руки и начала баюкать. Было такое чувство, словно меня накрыло каким-то мягким пледом или завернули в подушки. От запаха мамы стало уютно и спокойно, будто она забрала все страхи себе.

Вдруг я почувствовала снова головокружение и неприятное растяжение. На мгновение мозг снова отключился, минута вне пространства. Ещё минута. Ещё минута. Ещё... и вот я уже сижу у мамы на коленях. В её глазах пока ещё можно было увидеть нежность, но больше было страха и растерянности.

Вдруг, будто между нами щёлкнул рычаг, грубым жестом она стряхнула меня с коленей, словно отгоняла что-то личное и очень давнее. После кисло улыбнулась и потёрла виски.

Пара минут молчания. Все пытались прийти в себя. Мама первой нарушила молчание:

– Вопрос с бабушкой решён. Она приедет жить к тебе, чтобы присматривать за тобой. У нас есть ещё пара дней дома. Я не знаю... не понимаю, что это было, но я очень надеюсь, что эта херня больше не повторится. – да, забыла сказать, мама и Бабу всегда умели хлётко что-то сказать, что иной раз ощущалось настоящей пощечиной.

– Угу. – сказать было нечего. Комок слёз стоял в горле как застрявший кусок картошки, который я однажды слишком неаккуратно глотнула. Я не могла ответить внятно, иначе разревелась бы, а это бы лишний раз доказало то, что я – несамостоятельный ребёнок, который не может остаться дома один.

Диалог исчерпал сам себя, и я пошла спать. Точнее надеялась, что иду спать, а сама пока что могла лишь мечтать о том, что глаза закроются и тут же найдут путь в мир снов. Чаще всего я просто лежала, пытаюсь через темноту втягивать в лёгкие окружающую пустоту и тщетно стараясь успокоить сердцебиение.

Чуда не случилось. Хотелось хотя бы поплакать, но не удалось даже этого. Лежала и думала обо всех неудачах, которые случились в этом месяце, в этой жизни. Жалость к себе выдавила из самых недр слёзы, и я начала задыхаться. Слёзы капали на подушку, а жалость переродилась в предчувствие паники и безысходности.

Старалась думать о чёрном квадрате, чтобы пришёл сон, но ничего не вышло. Дурацкие книги, советующую всякую ерунду, которая не работает! Мой квадрат начал обрастать мыслями и вскоре совсем затерялся.

Снова начала думать о детстве. О маме и о том, как мне её всегда не хватало. В воспоминаниях не было её целиком. Всегда лишь серый призрак, теряющийся в других образах памяти, что хаотично разложены пыльными стопками в голове. Скоро она уедет, а может быть её не станет вовсе. Самое печальное, что я забуду её, ведь она уже и так слишком прозрачна в памяти. Интересно, ей страшно? Думает ли она сейчас в другой комнате о том, почему болезнь случилась именно с ней или просто спит?

В какой-то момент опять начала концентрироваться на своих лёгких. Они шумно выдыхали носом через нос, периодически задерживая его где-то. Тогда слышался лёгкий неприятный свист. А я думала о том, как бы это бесило, если бы это были не мои лёгкие, а лёгкие Дюка, если бы он так же шумно дышал рядом. Кстати, что он сейчас делает... Сколько мы уже не виделись? Пару недель или даже больше. Всё-таки, видимо, я не скучаю, раз только сейчас подумала об этом. Надо бы ему написать.

С другой стороны, Дюк мне так быстро надоедает, когда рядом. Почему я не могу надоедать сама себе, ведь я с собой провожу намного больше времени, чем с ним. С собой я провожу сто процентов времени. Хотя может и надоедаю себе, вот как сейчас. Ведь хочется просто отключиться и проснуться только утром.

Не усну. Точно не усну...

Утром было обычным, пока не стало страшно так, что казалось будто смерть уже не просто стучит в моё окно, а долбит мне сердце своими костлявыми кулаками. Я подавилась рисовой кашей. Вы когда-нибудь доставали еду из носа? Я всегда, конечно, знала, что нос, рот и уши прочно связаны, но видеть эту связь не хотелось видеть. О чём-то не вовремя подумала, и каша игриво поползла наверх, словно бросая вызов гравитации. Я же начала задыхаться. Жизнь даже не пробовала мелькать перед глазами. Жизнь пыталась яростно сопротивляться, выдавливая из меня странные звуки. Пара мгновений борьбы и я как фокусник вытащила несколько крупных рисинок из носа.

– Фу. Ты опять не можешь нормально поесть? – на кухню зашла мама. – Как ты собираешься жить с мужчиной. Ты представляешь, как ему с тобой будет тяжело? Или, не дай бог, будешь жить одна. И не горбись.

Сказала мама, проходя мимо меня и стукнув ладонью по самой выступающей части спины. Села рядом.

– Боже, ты помнишь, как вообще не могла есть, потому что боялась глотать? Всё же стоило тогда сводить тебя к психиатру.

Конечно, я это помню и без её напоминаний. Зачем она так любит меня в это тыкать? Вечно напоминает мне обо всех постыдных вещах из детства.

– Хотя ты была тогда пухлой. – мама потрепала меня по щеке. – Тебе пошло на пользу некоторое время без пищи. И всё же стоило отправить к психиатру. А то ты могла есть только...

– Пюрешку и кашу. Да, я помню. «Давай не будем об этом», – сказала я немного брутальным голосом, потирая щеку после маминой «ласки». Остатки риса всё ещё фантомно раздражали мою восприимчивую слизистую. – Спасибо за приятное утро. Я надеялась, что мы можем просто вместе позавтракать и нормально пообщаться, а не вспоминать моё детство.

– У кого-то после вчерашнего проблемы с чю? И вообще, не огрызайся.

– Нет, моё чувство юмора в порядке. Просто я ненавижу, когда ты ко мне цепляешься. Ладно, мне уже нужно на работу.

– Иди, иди. И смотри не опоздай.

Аааа. Как будто я вообще когда-то куда-то опаздывала. Почему-то это она не вспомнила, а о том, что я всегда была с проблемами – да.

Пока ехала в лифте снова первым делом обратила внимание на рекламу. Её так и не заменили на новую. Те же тексты, те же фотографии. Скучно. Но зато это стало маленькой

внутренней традицией – заходя утром перед работой в лифт, или вечером после работы и смотреть, поменялся ли рекламный блок. Я пыталась находить в смене закономерности, но обклейщики ломали их каждый раз, когда мне казалось, будто закономерность найдена.

По дороге на работу написала Дюку. Нам нужно было наконец-то встретиться. Точнее, мне нужно было немного отвлечься от проблем. Не то, чтобы он мне мог сильно помочь. Вдруг удовлетворение части потребностей сможет меня успокоить. Хотя, может на самом деле мне оно было и не нужно. Возможно, просто почувствовала, что это нужно Дюку. Мы давно не виделись, пора исполнять долг. Почему-то в такие моменты часто начинает казаться, что я что-то должна.

Интересно, он заметит, что я поправилась? В моей жизни последние пару недель не случилось Дюка, зато случились несколько килограмм лишнего веса. Я думала о своих отъезтых боках, поедая вредную шоколадку. В свою защиту могу сказать – мне пришлось, потому как из-за инцидента с рисовой кашей и разговора с мамой позавтракать нормально не удалось.

Безусловно, на меня все смотрели. Видела неодобрение на лицах пассажиров. Наверняка каждый думает о том, что я и так уже слишком жирная, чтобы есть, тем более шоколад. Но дома не оказалось никакой полезной еды, пришлось брать чёрные углеводы. Паршиво. Нормально не позавтракала, ехать приходится с теми, кто постоянно пялится, а во время секса придётся переживать о том, как я буду выглядеть. Наверняка Дюк увидит эти огромные бока, жирные колени и скажет, что я слишком сильно поправилась и что не хочет меня больше видеть. Однажды он точно меня бросит из-за этого.

Рабочий день не ладился. Вчерашние новости выбивали работу прямо из моих рук и не давали сосредоточиться. Эти же новости подсунули мне чашку кофе, чтобы взбодриться. Сон не ушёл, зато прибежала тахикардия, от которой всегда становится страшно. А может что-то с сердцем, и я умру в итоге раньше мамы. Здоровье точно напрашивается на осмотр. Нужно обязательно записаться к кардиологу или неврологу. И ещё обязательно во время перерыва погуглить про мамину болезнь. Или прямо сейчас. Всё равно успею всю работу сделать быстро, да и сезон у нас мёртвый. Поищу сейчас.

И я отправилась в бесконечное пространство статей, пугающих букв и страшных диагнозов. Мне попадались жуткие фото, после которых нашла у себя симптомы не только маминой болезни, но и миллиона других. Страницы сменялись свежими. Появлялась новая пугающая информация, которая заманивала поискать что-то ещё. В итоге сёрфинг закончился вместе с рабочим днём. Я не успела сделать даже 10 процентов. Ай, сделаю завтра. Всё равно мне не так уж много платят за то, что я делаю каждый день. Никто ещё не умирал от невыполнения работы.

Всё, пора к Дюку.

Поднимаясь по лестнице некрасивого знакомого подъезда, я ощутила больше нервозности, чем обычно. Сердце стучало до тошноты. Глупости какие, будто мы видимся первый раз.

Его бывшая должна была уехать куда-то отдохнуть, поэтому можно было не переживать по поводу того, что нас кто-то услышит. Раньше это несло бы меня и окрыляло, а сейчас внутри была такая тяжесть, что каждый шаг вверх был мучительным. Ногам хотелось вернуться вниз и убежать домой.

Дверь открыта. Я свинцово сделала последний шаг в квартиру и закрыла дверь. Увидела знакомого человека внутри и не ощутила ничего, кроме тревоги. Мы формально поговорили пару минут, словно пытаюсь соблюсти какие-то приличия. А потом сразу переместились в спальню. Я смотрела на Дюка, видела, как он спокоен, даже скорее холоден. Страсти никогда с его стороны и не было, но сегодня между нами раскинулась зима.

Дюк лёг на постель. Его любимая ленивая поза. Мне она всегда казалась унижительной, но спорить было не в моих интересах. Ему нравилось скользить по мне злым взглядом, когда я раздевалась, словно он видел каждый недостаток и мысленно порицал за него.

Сам он в это время просто лежал на боку. Потом переворачивался на спину, заставлял меня трогать себя и как только буду готова – быть сверху. Почти никогда ничего не менялось, как и во всей моей жизни. Я пыталась быть страстной, но ему не очень этого хотелось. Одни и те же ритуалы. Одна и та же жизнь.

Мне так хотелось близости вчера вечером. Мне до дрожи хотелось его весь день, но сейчас я чувствовала, что не хочу. Так сильно не хочу, что на долю секунды лицо сморщилось, будто в рот выдавили дольку лимона. Мерзкое чувство самонасилия пыталось остановить меня от продолжения. Но как можно закончить, если ты уже практически в процессе... Ладно, терпеть не так уж и долго. Дюк, при всём его самомнении, не так уж и хорош в этом плане.

В процессе, я пыталась выглядеть бойкой и таинственной, но потом как-то резко накатило отвращение. К этой ненужной близости, к нему... Будто я была проституткой, да только мне никто не будет за это платить. Тем более такой скупердяй как Дюк, тем более мне.

В этот раз всё казалось бесконечным. Пыталась разгибать губы в обратную сторону, чтобы не выглядеть мученицей, пыталась двигаться, чтобы и саму себя зажечь, пыталась отвлечься, разглядывая комнату и закрывая глаза.

Вдруг почувствовала такое же состояние, как и вчера. Запахи стали комковатыми и резко острыми, комната перемещаться. Снова стало кружить и раскачивать. Я инстинктивно закрыла глаза, а когда открыла, то увидела лицо Дюка, слишком близко к своему. Его ошалевшие глаза почти не моргали и были такими огромными, красными. Казалось, чуть надави и вывалятся. Я попыталась что-то сказать, но услышала только какое-то мяуканье, бульканье, хрипы. Что угодно, но только не те звуки, которые я пыталась выпустить из своего рта на волю.

Виски болели и тревожно тикали, словно бомба со взрывчаткой. Я пыталась сосредоточиться и услышать что-то из потока слов Дюка. Пара минут навязчивых звуков внутри и вот наконец-то начала слышать звуки снаружи. Хотя может и не стоило. Дюк просто пытался меня тормозить, что-то кричал и бросал вещи.

Не могу сейчас говорить. Закрыла глаза и уснула. Оказывается, просто сильно хотелось спать.

Не знаю, сколько времени я была в отключенном состоянии. Почему-то время сегодня чувствовалось совершенно иначе. Оно словно растянулось в ширь и в высоту. Будто его растянули во все стороны сразу как тесто фило.

Я потянулась. Дюк сидел рядом, занимался чем-то своим, но периодически на меня поглядывал.

Как только я открыла глаза, он перебрался ко мне, быстро пряча телефон.

– Что это было?

Вот и как можно ответить на вопрос, когда сам не знаешь ответа.

– Не знаю. Мне стало плохо.

– Ты – ребёнок!

– Чтооооо?

Тут уже у меня исказилось лицо. Мои глаза явно были такими же большими как недавно у Дюка.

– Ты в своём уме? Какого чёрта было устраивать это представление?!

Это обвинение меня возмутило. Ведь я была беззащитным ребёнком, а не монстром. Да и будто я нарочно! Я же не Копперфильд или ещё какой фокусник.

– Спокойно... Давай просто поговорим сейчас о чём-нибудь ещё. А это обсудим потом. Знаешь, мне только что приснился странный сон. Приснилась несуществующая песня Валерия

Меладзе. Притом это было настолько реалистично, что я слышала его голос. Ох, как же он её поёт! Нам обязательно нужно её записать. Может ему отправим? – я попыталась шутить, дабы разрядить обстановку. Не вышло.

– Какая песня? Ты в своём уме? Хотя зачем спрашиваю, явно нет. Давно предполагал, что ты чокнутая на всю голову.

– Не знаю. Точнее, впервые это случилось вчера, но что... как... не знаю... Дюк, мне страшно. – попыталась схватить его за руку.

– А мне не страшно?! К психиатру тебя надо. Может и мне тоже. Мне как-то с этим тоже теперь жить. – Дюк резко скинул с себя мою руку.

– Мне правда страшно. А если это снова повторится? Ты что-нибудь пытался делать, пока я была в таком состоянии?

– Конечно нет.

– Почему?

– Ты решила ещё раз поменять тему?

– Нет, просто мне кажется, что тебе наплевать на меня. Что может быть такого интересного в телефоне, что можно было совсем забыть на меня?

– Не твоё дело.

– Так может и то, что ты не появлялся две недели – это тоже не моё дело?

– Не твоё! – обрубил меня Дюк. – К слову, сама ты тоже не особо проявляла инициативу.

Мой телефон у тебя есть, ты не писала.

– Почему это снова должна была делать я? Ты вообще никогда не делал этого первым. Я почти всегда звонила первая, приезжала первая... Может у тебя ещё несколько пара баб есть, раз ты так раскидываешься нашими отношениями?

– Перестань так говорить. Грубые слова тебя не красят. Ты становишься похожа на базарную тётку или свою мерзкую бабушку. Хотя для вашей вообще это характерно.

– Ты совсем охренел? Ты прекрасно знаешь, что я никогда не позволяю себе мат или грубости, по крайней мере без причины. Пару раз, всего пару раз вырвалось. И каждый раз из-за тебя!

– Я не собираюсь продолжать этот разговор. Думаю, тебе пора.

– У тебя точно кто-то есть!

– Успокойся! И собирайся. – Дюк схватил меня больно за руку и потащил к двери.

– Нет, ты будешь его продолжать. – я выхватила у него телефон, но он успел меня больно толкнуть.

Я отлетела в сторону дивана. Ударилась затылком и больно саданула локоть.

– Совсем офигела?!

– То есть сейчас и ты вспомнил о существовании мата. – кольнув ответом, я попыталась встать, цепляясь за спинку кровати.

Когда удалось подняться, увидела, близко его глаза. Они становились яркими и злыми, раньше мне это так нравилось. Сейчас же я увидела словно со стороны себя, пытающуюся довести до истерики совершенно, по сути, чужого человека; и самого человека, ярость которого перерастала границы адекватности. Его лицо, на самом деле не такое и красивое, как я когда-то думала. Оно нервное и злое.

Также со стороны увидела, как он долго размахивается, словно стараясь набирать максимум силы, а потом разряжает запал об мою щёку.

В глазах помутнело, меня как током пронзил ужас, но не от боли, а от того, что приступ может повториться. Только я останусь беззащитной рядом с этим человеком.

– Знаешь, по-моему, нам надо расстаться. – на этот раз абсолютно спокойно. Я хотела сказать что-то другое, хотела расплакаться или начать извиняться. Но что-то щёлкнуло и эти простые слова наконец-то выстрелили в воздух.

– Ты – психопатка. И да, ты абсолютно права. Сваливай! – сказал Дюк и кинул кофту в лицо.

Хотелось ещё наговорить грубостей, но почему-то не вышло. Молча собрала остатки разбросанных вещей. Молча оделась и ушла. Злость внутри кипела, но в целом, почему-то стало легче. Может потому, что не он меня бросил и что случилось всё не из-за моей внешности или лишнего веса. Может, я и правда психичка.

Интересно, то, что со мной происходит – это диагноз? Или я в себе, раз это видят окружающие. Всегда боялась больше всего одной вещи – сойти с ума. Мне все говорили: «Но ты ведь и не поймёшь. Ты просто будешь уже жить в какой-то своей вселенной, страшно или плохо будет только людям вокруг.» Меня же это никогда не успокаивало. Да, я не буду этого знать, но что будут обо мне думать близкие или друзья... Да и сама мысль об этом внушала ужас. Что я не смогу себя контролировать, не смогу всё контролировать. Весь мир будет нестись куда-то без меня. Личность просто растрескается внутри мёртвой оболочки и высохнет.

Грустно, а может даже забавно, что сейчас велика вероятность того, что я просто сошла с ума. Только мне почему-то не страшно. Надо записаться к психиатру.

Глава 4

Снежные точки беспорядочно носились под лучами солнца: вниз, вверх, вбок, опять вниз. Кружа и обгоняя друг друга, они врезались в кожу, оставляя на ней неприятный режущий след. Хотелось прикрыть глаза и чувствовать эти маленькие уколы сразу всей кожей. Видеть что-то было сложно, но я продолжала смотреть сквозь этот бешеный поток на солнце и щурилась от яркости, скользя глазами по белому мраморному небу.

Солнечно даже сквозь пелену неба. Ярко, а всё равно жутко тоскливо. Хотелось найти под рукой кнопку плеера, нажать и услышать грустные песни. И вот тогда уж точно закрыть глаза, может даже начать плакать, пропевая знакомые строчки.

Домой идти не хотелось, поэтому я выдохнула все свои печальные эмоции в мороз, чтобы они застыли и не тревожили меня какое-то время, и пошла ходить по улицам.

Погода, конечно, выкручивала руки и окатывала лицо такой волной холода, словно получил порцию анестезии у зубного или пластического хирурга. Мимика стала каменной, что даже немного радовало. Грустить или радоваться сейчас не получалось чисто физически.

Гулять и оставаться с мыслями отправилась в самое идеальное место – в центр города. Ведь где можно ещё ощущать себя настолько одиноким и обезличенным, как не в толпе людей.

Пошёл снег: крупный, немного грузный, зато бархатный и очень спокойный. Пока длилась моя прогулка, солнце успело сесть, уступая место неестественным фонарям. Они же гордо высились вдоль дорог и засвечивали за секунду целые мириады снежинок, будто ловили преступников.

Снег то кружил, то ровно падал, слетаю плавно на одежду. То взвинчивался, то ложился ровным одеялом на землю.

Помню, как давно, в детстве, мы часто гуляли вечерами или днём, когда было особенно солнечно. Взрослые шли и о чём-то говорили, а я замороженно смотрела на чистый блестящий снег. Мне всегда казалось, что он похож на бриллианты, которые сверху щедрой рукой рассыпаются над городом. Может даже с утра здесь пробежал Серебряное копытце и успел наследить красивыми сугробами. В любом случае, это было очень красиво.

От воспоминаний в животе пробежало лёгкое тепло, а потом стало опять грустно. В центре снимали ёлочные украшения, сматывая гирлянды очень грубо, небрежно. Огоньки всё ещё продолжали гореть, пока их сворачивали в тугие кольца. Мотки света росли, здания становились всё более голыми. А потом резко всё погасло. Лишь фонари остались сторожить город.

Ненавижу этот момент года. Сначала видишь появление всей красоты. Это уютное сияние, способное сделать привлекательным даже серость зимнего города. Вся эта радость, ощущение наполненности и праздника. После – смерть. Каждый год проходит этот маленький кружок от рождения до самого конца. Каждый, каждый год.

И ведь моя жизнь тоже закончится подобно этим гирляндам – болезни начнут сматывать меня в тесный клубок, а потом просто останется вечная темнота. Только повтора не будет, не смогу зажечься на следующий год. Кстати, я всех обманула. Ведь есть ещё одна вещь, которой я боюсь даже больше сумасшествия. Это – смерть. Порой, мысли о ней преследуют и угнетают, порой, до такой степени, что парализуется вся жизнь. Кажется, что я не успею сделать и половины того, что хочу. В итоге, не начинаю ничего.

Впереди нет дорог и дверей, словно уже одна пустота, а сейчас окружает лень и бесцельность. Два года я раздавала своё время, два года теряла его, пытаюсь думать, что эта жизнь – моя. Просмотры километров фильмов, сериалов, чтения книг. Эмоции я черпала только оттуда, признавая, что эмоции я могу получить только оттуда. Может пора изменить этот распорядок. Да и, пожалуй, пора возвращаться домой.

Дома хотелось услышать тишину. Но квартира разрывалась звуками телевизора. Никогда не понимала, зачем этот вечный фоновый шум. Неужели всем так страшно остаться наедине со своими мыслями?

Хотя да, мне ведь страшно. Часто возникает ощущение потери себя, как только смолкает свет. Становится невыносимо страшно. Такое ощущение, будто не уверен на все сто в собственнo личности. Нет, мне не кажется, словно я парю над своим телом и вижу всё стороны, но внутренне есть какое-то неприятное ощущение отстранённости. Перестояю понимать, что значит быть собой: реальность мутнеет и начинает уплывать, сознание творит дурацкие фокусы. А я в этой темноте просто пытаюсь искать себя, цепляясь за знакомые предметы в комнате. Пытаюсь вспомнить что-то связанное с ними или собственнoх родителей, будто рассказываю собственную жизнь, собирая осколки памяти как хлебные крошки. Если мне не помогает и кажется, что схожу с ума, то просто со всей силы влеплю себе пощечину. Щепки не срываются. Это работает. Маленький якорь боли для возврата сознания.

Если признаться ещё больше – я боюсь вечера, боюсь ложиться спать и оставаться с собой. Вдруг однажды бросить якорь не получится и сознание не сможет всплыть обратно... Скоро новая попытка тишиной и ночью. Сейчас же из мыслей вывели родители.

Они о чём-то говорили, перекрикивая телевизор. Ну вот почему его просто не выключить?! Я стояла в дверях, смотрела на них, всё ещё пытаюсь поверить в новую реальность без Дюка и с маминой болезнью.

– О, ты дома. Разве ты не ушла к Дюку?

– Мы расстались.

– И ты так поздно вернулась одна?! Или он тебя проводил?

Разревелась. Теперь стало обидно. И жалко себя. Меня сильно обидели, а мама даже не хочет пожалеть ил поддержать. Только цепляется. Неужели я такой плохой человек, чтобы меня так игнорировать. А почему Дюк никогда не хотел обо мне заботиться? Ведь я всегда была готова на всё... От мамы просто вечные упрёки. Видимо, я – самая худшая дочь на свете. Будто я всегда могла быть лучше кого-то или лучше самой себя, но так и не стала. Всегда не дотягивала до роли дочери, до роли девушки. Интересно, до роли человека тоже не дотягиваю?

И снова оно. Голова... Туман... Снова вижу крошечные ручки... Вижу, как мама засуетилась и начала сюсюкать. Хотя ведь ненавидит, когда так общаются с детьми. Со мной с самого детства говорила, как со взрослой. Да вечно повторяла, что маленькая я была умнее...

– Доченька. Ну не плачь. Я рядом. Ну тихо, тихо. – мама меня баюкала, ходила по комнате. Потом даже начала мурлыкать что-то колыбельное.

Мама умеет петь? Откуда вдруг этот обострившийся материнский инстинкт?

Было приятно и странно. С другой стороны, сейчас всё было странно, но далеко не всё так приятно.

– Я с тобой, с тобой. Никуда не уйду. Всё наладится. Не переживай.

Может это и есть гармония. Покой и тишина, даже телевизор не слышно. Давно хотелось услышать от мамы поддержку. Может она мне когда-то говорила такие слова, но я забыла? Почему-то более колкие я помню слишком хорошо. Эти острые ранящие фразы всегда так метко попадали в сердце. Они как тысячи маленьких ядовитых термитов – проникали и начинали грызть. Наверное, моё взрослое сердце изъедено ими полностью. И я даже не знаю, есть ли способ их вытравить и восстановиться.

Но сейчас хорошо. Отпустило. Мысли... Есть или кошка? Может в этот раз асфальт... Апельсиновый, такой мягкий и оранжевый на вкус...

Я проснулась рядом с мамой. Конечно же, я уже выросла обратно до своего печального тела. Правда, ощущение покоя недолго оставалось рядом, заглушив часть чего-то разрушительного в голове.

– Проснулась?

– Да. Но, перебила сон и теперь точно не усну.

– Тогда пошли что-нибудь съедим.

– Не хочу. Чай выпью.

– Ты и не хочешь есть. – мама удивлённо подняла бровь и пошла на кухню.

Необычно. Мама сама разливает чай и достаёт еду. Чаще всего она обо всём просила меня. Точнее, из её уст это всегда звучало словно приказ. Будто если что-то она сделает сама, то её авторитет подорвётся, а я навсегда стану разбалованной и ленивой. Каждый раз она устраивала для меня вызов, особенно, когда действие доставляло мне дикий дискомфорт. Никак не могу понять, было это садизмом или странным воспитанием. А может воспитание и есть садизм.

Сегодня же было иначе. Может, ей было меня жалко, а может она меня просто действительно любит? Хотя я смотрю на неё, и мне кажется, что она несчастна и не любит даже себя. Всю нашу совместную жизнь она выливали на меня нелюбовь словно помой. То ли желая отомстить, то ли желая меня сломать под какие-то свои стандарты, чтобы я пошла путём, который она для меня придумала. А может когда-то придумала его для себя.

Находясь в сейчас, было спокойно, но сначала несколько неловко. Будто я начала знакомиться с ней заново или впервые в жизни. Мы немного поговорили о настоящем, повспомнили её и моё детство. Пили чай и даже посмеялись. Какая часть историй меня всегда очень веселила, а какую-то часть я успела напрочь забыть. Слушала их как в первый раз.

– Помнишь, как Бабу любила эксперименты? Её фирменные жареные огурцы?

– О, нет. Про них я знаю только от тебя. В моём детстве она их уже не готовила.

– Как тебе повезло. Ненавидела их всей душой. Она всегда готовила не очень хорошо, но эти огурцы... Я периодически уносила их нашей собаке, а если она была рядом, то прятала под подушку. Ох, мне влетело, когда она раз нашла мой тайник с луком и жареными огурцами.

– Прятала под подушку? Ох, представляю в какой ярости была Бабу!

– Она как увидела, начала так орать. Сначала грозилась вылить на меня тарелку с супом, а потом больше вообще не кормить. А помнишь историю с коровами и беляшом?

– Нееееет. А может и помню...

Ох, а ведь я и правда забыла эту историю. Забавно, ведь она же произошла со мной. Но так давно. Я ведь всегда была жалостливым ребёнком. Плакала над мультиками так, словно у меня отпиливали в этот момент ногу. Ревела над мышатами, котятами и другими -ятами, если видела их на улице одних, без мамы. И постоянно просила забрать их домой. Так вот, однажды мы поехали с родителями на отдых. День был, конечно же чудесный и солнечный. Для меня эта поездка была вообще событием как минимум космического масштаба. Ещё бы, я впервые уезжала из дома так далеко.

Мы ехали по одной из нескольких одинаковых дорог. Пейзажи тоже были совсем одинаковыми, как в той песне-прибаутке: «А за деревом дерево, а деревом дерево, а за деревом дерево, а деревом куст. За кустом снова дерево, а за деревом дерево, а за деревом...» И так до бесконечности, пока не доведёшь кого-нибудь этой песенкой до истерики. И так, мы ехали мимо пресных пейзажей, но даже эти клонированные деревья и дороги потрясли детское воображение.

Открытое окно машины плющило лицо; ветер врвался в салон через небольшую щель окошка и колыхал короткие детские волосы. Деревья неслись стройными рядами так быстро, что начинало казаться, что они мне машут зелёными руками.

Всё было в тот день интересно, хотя ехали мы довольно спокойно, молча. Вдруг, мама слышит мой истеричный плач с заднего сидения машины.

Попробуйте только представить, что такого ужасного мог увидеть ребёнок в черед деревьев и полей с тракторами? Сбитую собаку? Аварию?

Но нет, мы проезжали мимо пастбища с коровами. Мама сначала попыталась увидеть в окружающем мире причину для такой реакции. Не найдя ни одной объяснимой причины для слёз, начала расспрашивать меня.

– Корооооовы. – ревела я в ответ.

– Что коровы? – недоумённо переспросила мама.

– Они такие грязные. Мама, посмотри, какие они неухоженные и грязные. За ними никто не смотрит, никто не убирает. Мне их так жаааалкоооо.

Какое-то время и магия маминого строгого голоса ушли на то, чтобы меня успокоить. Потоки слёз высохали, снова замороженные мирными рядами деревьев. Десять минут и мир снова обрёл краски, а я радостно ехала дальше, продавливая стекло лбом.

Вскоре мы остановились на самом популярном месте с едой среди всех дальнобойщиков и туристов. Хотя, честнее сказать, почти единственном на этом участке дороги.

Мы вышли перекусить и передохнуть. Первым делом, конечно же, был туалет и еда. Иначе мои пухлые щёчки не смогли бы спокойно доехать до конечного пункта. Минуту размяли ноги и зашли в столовскую часть райского комплекса, родители что-то выбрали для себя, пока я просто замороженно смотрела на витрины с едой.

– Что будешь? – спросила мама.

– Беляш, – без колебаний ответила я и пошла к папе за столик.

– А ты знаешь, что беляши делают из коров? – хитро улыбнувшись спросила мама, вручая мне через несколько маслянистую салфетку, скрывающую огромный жирный беляш.

– Афа. – ответила я с набитым ртом и радостно улыбнулась маме.

Тёплые внутренности беляша уже успели познакомиться с моими собственными внутренностями. Стало сытно и уже совсем не жалко тех несчастных коров.

Вот такая вот история. Наверное, уже тогда всем стало понятно, что никогда не быть мне вегетарианкой.

Истории не заканчивались, разговор тоже. Мы разматывали клубки воспоминаний сначала осторожно, боясь порвать. Нежно держа каждую нить, аккуратно разглядывали их, разглаживали. Потом же осмелели и буквально вырывали огромными кусками самое сочное из всей нашей памяти. Хотелось заморозить этот момент, спрятать в памяти и доставать его, когда станет одиноко. Хотелось сделать так, чтобы этот вечер не заканчивался.

– Мам, а ты помнишь, кем ты хотела стать в детстве?

– Да... А может и нет. Давно об этом не думала.

– Кем хотела быть?

– Знаешь, всегда хотелось заниматься математикой. Когда-то давно, ещё в школе, меня всегда вызывали на олимпиады. Мне нравилось считать, могла часами решать задачи. Мечтала, что стану учёным.

– Какая скука. Серьёзно? А почему всё-таки не стала?

– Тогда женщинам не принято было много учиться. А ведь учёный – это как медик, всегда нужно быть в учёбе и работе. Да и кто бы мне платил за это... Почти все учёные нищие, никуда бы я не пробилась. Мне нужно было получить какую-то рабочую профессию, оплачиваемую. Бабу не стала бы меня обеспечивать или слишком помогать. Да и как учёной женщине найти мужа? А нужно же было и семью завести успеть. Ребёнка родить.

– А ты хотела стать матерью?

– Смешная ты. Никто тогда не спрашивал. Всем нужна была профессия и муж с детьми. Иначе никак. Клеймо поставят и всё.

– Какое?

– Старой девой бы называли, синим чулком. Знаешь, люди очень здорово вешают ярлыки. Это единственное, о чём никого просить не нужно.

– Но ты хоть была счастлива от того, что стала мамой?

– Знаешь, я должна была чувствовать счастье, ведь все об этом всегда твердили. Не знаю, никогда об этом не думала. Удалось исполнить то, для чего создана каждая женщина, значит была счастлива. Хотя, конечно, слишком рано. Нет, вру. Мне уже было 22 года. По тем меркам – это уже слишком взрослой была. Вот была сама ещё дочерью, а тут раз, и на руках уже свой ребёнок.

– Всего 22 года. Я до сих пор чувствую себя маленькой.

– С этим точно не поспоришь. – мама щипнула меня за щёку.

– А тебе нравилось быть мамой, не было скучно от того, что всегда одно и то же. – спросила я, убирая мамину руку.

– Иногда да. Дни тянулись бесконечно. День перетекал в день. Хотя нет, правильнее сказать, что ночь перетекала в ночь. Было тяжело, но что ты всё про детей. Беременная что ли?

– Нет, что ты!

– Хорошо. Рано тебе. А потом, как время придёт и у тебя так будет. Хоть у меня многие знакомые уже стали бабушками, а я пока не готова. Да и вздумаешь рожать, сразу учти – я тебе помогать не буду. У меня и здоровье ни к чёрту, да и работа. Некогда мне будет нянчиться.

А я задумалась, хочу ли я быть мамой вот прямо сейчас? Смогу ли я быть счастливой от этого. Смогу ли сделать беззащитного маленького человека счастливым. Думаю, нет, ведь я пока для себя не нашла ответа на этот вопрос.

Так и прошла половина ночи. Никогда мы столько не болтали. Просто так, о жизни, о прошлом. Без обсуждения будней, наших соседей или каких-то совершенно посторонних людей. Было приятно провести время без токсичности или сарказма. Словно наконец-то перестали защищаться.

Я боялась, что эта магия кончится, но сон был необходим, ведь работу никто не отменил. Мы помыли посуду и разошлись по своим спальням. Наверное, пора разъезжаться. Пожалуй, если будем видеться редко, то и шансов на такое общение станет больше. Может станем чаще собираться вечером на кухне, ощущая исключительность этого события. Было бы хорошо. Так хорошо, что стало страшно. Вдруг операция пройдёт плохо и наш последний душевный разговор.

Всё меняется. Слишком много всего происходит. Частично со мной, хотя всё больше как-то рядом. Пожалуй, стоит осмотреться и попробовать хоть что-то активное или просто попробовать что-то, что я всегда хотела сделать. К психологу стоит записаться, определённо стоит.

Глава 5

Вы когда-нибудь впадали в прошлое от запаха? Когда улавливаешь самую тонкую нить знакомого аромата, сначала тянешь за неё потихоньку. Потом начинаешь разматывать быстрее. И вот уже держишь целый клубок из собственных воспоминаний.

Иногда этот клубок яркий и приятный, кашемировый. Тогда мысленно улыбаешься тем дням, которые вязали эти воспоминания. В другой раз клубок тёмный и тяжёлый, сердце нервно покалывает, а сам пытаешься не отдаться рефлексии, иначе этот клубок превратится в камень, тянущий в дно тяжёлых воспоминаний.

Сегодня запах оказался котом в мешке. Потянула за серую нить. Почти сразу поняла, что на конце ждёт чёрный клубок, но не тянуть уже не могла. Во мне было слишком много мазохизма, который настоятельно рекомендовал периодически устраивать себе болеготерию. Сомнительный совет собственной психики, да только всё равно по привычке следовала ему уже много лет.

Так вот, я почувствовала в нашем офисном центре запах столовой: каша, запах нагретого молока, разбавленного водой и запах присутствия детей. Так бывает в больницах, детских садах, школах. Нить тянулась склизко, неприятно, болезненно долго.

В итоге я вспомнила школу. Её длинный коридор, направо от столовой, недалеко маленький уютный гардероб и лестница на второй этаж. Вспоминала одноклассников, которых ненавидела, и свои слёзы счастья на выпускном, что это всё закончилось.

В школе я была заучкой. Но не из тех злюк, которые поднимают нос и ничем не делятся, а той, что с улыбкой давала всем списывать. Тогда мне казалось, что раз учёба даётся легко, нужно помогать другим. А может просто надеялась, если дам списать, то хоть кто-то начнёт меня любить. Но меня не любили. Охотно пользовались, когда я предлагала что-то списать, а то и вовсе начинали требовать. Классическая схема жизни.

Я была тихой, никогда не спорила и всегда писала сочинения «отличницы», рассказывая всё так, чтобы учитель умилился моей точкой зрения. Я всё делала правильно. Хорошо себя вела, делала вовремя уроки, притом без помощи родителей, которые всегда были заняты работой. Самое главное – никогда не позволяла себе попасть в плохую компанию. Редкие школьные друзья, которые и сами были «хорошими», на моём фоне смотрелись отморожками и всегда называли меня своей «совестью». Даже остальные тихони редко брали на какие-то тусовки, когда мы вступили в подростковый период. Ну кто пойдёт со своей совестью пробовать пить в подъезде или воровать сигареты в супермаркете с мальчиками, чтобы потом курить недалеко от школы? Конечно никто. Может из-за этого я и осталась к шестому классу совершенно одна.

Пока мы росли, я ощущала непохожесть на других. Всегда была не идеальна внешне и стара душой. Хорошо, хотя бы вес вначале был обычный. Было время, когда мне доставалось меньше других. Ведь в нашем быдловатом классе было несколько девочек, которые сильнее прочих выделялись внешне и тогда обижали именно их. Жесткость класса меня сильно тревожила и, пока я сама не стала жертвой насмешек, старательно пыталась отбивать нападки мальчишек на этих несчастных девочек. Если видела, что над кем-то грубо смеются, то враз прощала со своей скромностью и летела спасать.

К шестому классу всё изменилось, девочки изросли свои изъяны. Внезапно в числе некрасивых аутсайдеров оказалась я – толстая девочка с тихим голосом и дурацким желанием всем помочь.

Сила ушла от меня, замещённая жиром и низкой самооценкой. Я стала такой огромной мишенью, что просто так пройти мимо стало действительно сложно. Правда, почему-то, по

мою душу не нашлось защитников. Девочки, видимо, слишком боялись снова оказаться по ту сторону сил, поэтому начали травить меня.

Шестой год учёбы начался сложно. Про то, что лишний вес стал особенно заметен я уже успела узнать от мамы. Однажды она закатила мне целую истерику на тему: «тебе снова нужен школьный костюм?!». Денег всегда не хватало, а я вместо благодарности заставляю родителей покупать новые вещи. Только теперь, как сказала мама, с моими новыми габаритами, нужно не просто покупать новый костюм, а шить дорого на заказ.

Первое сентября. Я шла в школу в новом костюме, со старым, слишком детским, рюкзаком и новым букетом комплексов.

Долго ждать мне не пришлось. Почти сразу ко мне приклеилось новая кличка «Жирнючка», ну это решили соединить мой вес с моей внутренностью заучки. Обидные прозвища, связанные с фамилией, оказались забыты. На арене шестого класса заблистала Жирнючка.

Прошёл месяц. Со мной перестали говорить. Это было так мучительно, что даже хотелось поддразниваний. Только бы не это молчание. Но экзамены были далеко, необходимости списывать ещё не возникло, в связи с этим одноклассники могли себе позволить устроить самый настоящий бойкот.

Этот славный период молчания был не так прост. У меня несколько раз успела случиться «новая стрижка». Добрые одноклассники помогли мне становиться другой, и я начала периодически домой возвращаться с жвачкой в волосах. Вечерами я ревела, но, когда мама или Бабу вытаскивали из моих волос остатки чужих пережёванных слюней, всегда была угрюма и партизански молчалива. Пару раз пришлось обрезать волосы, потому что жвачка налипла снизу и так сильно скатала волоски, что возможность обойтись без жертв отпала.

Родители грозились идти убивать одноклассников, нужно было лишь сдать их, но мне было страшно от того, что насмешек будет ещё больше. И я говорила, что никто меня не трогает и вообще сама со всем разберусь. А ещё было очень стыдно, что со мной так обращаются. Почему-то отчаянно не хотелось этим с кем-то делиться.

Вечер сменялся утром, снова приходила в школу и молилась, чтобы учитель перед уроком нигде не задержался, ведь именно тогда мне доставалось больше всего. Перемены я проводила в одиночестве. Они могли даже начать мне нравиться, если бы никто меня не трогал. Когда удавалось незаметно ретироваться и скрыться между школьными корпусами под лестницей, удавалось избежать ада. В остальное время кара настигала меня в виде внезапных ударов по голове учебниками или грубых издёвок. Потом с угрозой звенел звонок, и я сразу начинала молиться, чтобы темы в учительской оказались менее интересными, чем желание наорать на нас или чему-то научить. Внезапная тишина коридоров до сих пор пугает меня. Тишина, которая затем летит в твою голову чем-то звонким.

Иногда нас успевали запустить в класс, и учитель демонически растворялся в дверях, оставляя меня наедине с демонами реальными. Тогда было большее всего. Иногда до меня долетала лёгкая артиллерия – жвачки или крохотные, смоченные слюной, бумажки, которые ровным строем неслись из ручек на мою голову и одежду. Они, кстати, оставили больше всего следов на моей самооценке, попадая сразу так глубоко, куда я ещё до сих пор не могу впустить ни одного человека.

Иногда летела и тяжёлая артиллерия в виде портфеля, но физическая боль не доставляла этим монстрам такой радости, как моральная. Одноклассники старались уничтожить меня изящно, сражаясь меж собой в остроумии кличек и унижений.

Конечно, доставалось не только мне. Была пара мальчишек, которые не пользовались популярностью у элиты класса, но чаще под раздачу попадала я, тогда они радовались отдыху и присоединялись к нападавшим как мерзкие гиены. Ведь так классно побывать по ту сторону баррикад.

Так и проходили школьные будни. На переменах девочки меня пародировали и высмеивали, а потом одаривали игнором. Тот шестой год в школе почти весь прошёл именно так.

Ещё отчетливо рисуется грусть тех времён, когда у меня первой в классе начала расти грудь. Не помню точно, когда это случилось, но помню, как было стыдно однажды утром. Тогда мама сказала:

– Ты посмотри на себя. Стала в этом году настоящим бегемотом. Я всё понять не могу, то ли ты ещё прибавила, то ли сиськи расти начали. – и больно щипнула меня за грудь. – Ну точно, началось. Теперь надо ещё и нижнее бельё покупать.

– Не хочу я никакое бельё! – я вспыхнула румянцем и сразу подумала о том, что выпирающие лямки лифчика точно не останутся незамеченными.

– Так ходить уже неприлично. Мало ли, что ты не хочешь?! Да и кто тебя заставлял всё это наедать? После школы идём за лифчиком. Это не обсуждается.

Конечно же, как и ожидалось, подросли новые насмешки и издевательства. Теперь одноклассницы пытались расстёгивать мой новый лифчик разными способами. Мальчишки тут не рисковали, зато девочки умудрялись проявлять фантазию. Всем, кроме меня было смешно.

А ещё вспоминаю случай, когда я шла спокойно по узкому коридору, который соединял несколько корпусов нашей школы. Коридор был длинный, с поворотами. Там частенько кто-то проходил, но бывали и такие моменты, что ты оказывался наедине с пустотой. Там я иногда замирала, когда шла, потому что чувствовала спокойные объятия тишины и даже что-то похожее на комфорт. Я всегда замедляла там шаг и продлевала этот момент уединения.

В тот раз я также замедлилась, стараясь оттянуть необходимость выходить к людям. Тут услышала за спиной шаги. Почему-то стало страшно уже от самого затылка. Охотно верю, что в минуту опасности все чувства обостряются. Тело напряглось, но я не стала оборачиваться и продолжила медленно идти, стараясь не привлекать внимания. Сзади оказался один из обидчиков. Он догнал меня и сильно толкнул сзади в лопатку. Я обернулась, а он зло улыбнулся, вывернул мне руку и начал клонить к полу. Больше никого не было. Спокойная тишина превратилась в звон.

Обидчик был намного выше, был сильный. Пожалуй, тогда я впервые так остро ощутила то, насколько мужчины сильнее женщин. Он повернул руку так, что коленями я резко упала на пол. Всё ещё держа моя руку за спиной, одноклассник резко обошёл меня таким образом, что я оказалась лицом прямо у его ширинки.

– Отсоси, сука! – прошипел он и театрально сделал пару движений моей головой по направлению к себе.

Потом он просто заржал, отпустил меня и спокойно ушёл. Тишина опять успокоилась и удивлённо смотрела на меня. Коридор деликатно промолчал, стыдливо опустив глаза.

Сейчас понимаю, что эти годы могли сломать меня намного больше. Такая слабая девочка, какой я всегда была, смогла как-то это пережить. Я даже ни разу не заревела рядом с этими садистами. Коридоры школы точно могли бы дать показания, что это правда. Пожалуй, это единственное, чем я действительно горжусь со времён школы. Эти маленькие зверята так и не увидели моих слёз.

Глава 6

К нам переехала Бабу. Кошмар случился. Мама была в последней стадии сборов, но даже при её бесконечной занятости они умудрялись ругаться так, что я молилась всем богам, чтобы панели нашего дома не сложились в рухнувший карточный дом.

Я успела забыть, что они совершенно не умеют нормально общаться. Будто из них сразу же начинает вылезать самое худшее, что есть во всём человечестве.

Бабушка всегда начинала перекладывать наши вещи, особенно ей не нравилось местоположение маминих вещей. При чём перекладывание вещей всегда сопровождалось тихой шипящей критикой. Голос Бабу скользил по всем комнатам едва уловимым морозным ветром. Мама то пыталась быть вежливой и тактичной, то резко срывалась на крик. Бабу была надёжной, но невыносимой, поэтому осознание, что мне с ней нужно соседствовать неопределённое количество времени, угнетало.

Когда Бабу начинала ругаться с мамой, даже телевизор не мог скрывать этих звуков и словно растворялся в воздухе. Мы с папой старались просто пережить эти дни, не вставая ни на чью сторону и периодически разводя их по разным углам, отвлекая разговорами как детей.

Потом мама уехала. Дома стало резко тихо. Захотелось включить музыку или злосчастный телевизор, лишь бы не слышать всей этой пустоты, которая тиканьем часовых стрелок стучала в ушах вместе с кровью и порождала тревогу.

Бабу грузно сидела на диване и что-то изучала в телефоне.

– Баб, как думаешь, мама справится?

– Ясен день. Она всегда была вредной и никому не давалась. А тут какая-то болезнь. Хотя твой отец сделал её слишком слабой и нервной. Если что-то случится – это будет на его совести.

– Бабу!

– Ну что? И нечего его защищать. Могла же ведь заниматься тем, что нравится. Учиться могла! Закончила школу с медалью. Всегда была такой умной. Хотя какая умница, дура последняя, раз за твоего отца вышла... Такое будущее могла иметь. А теперь что?

– Пожалуйста, давай не будем об этом. Хотя бы не сейчас.

– А про болезнь. – Она всегда переводила тему, если чувствовала, что теряет свою власть. – Знаешь, ведь я всю жизнь болела, но всегда знала, что смогу с этим справиться. У меня сколько операций было! И всё серьёзные диагнозы, а тут так, ерунда.

– Как это ерунда?!

– Ой, по сравнению с моими болячками. Молодёжь эта. Вечная больше ноет, чем на самом деле болеет. Вот мне когда-то даже диагноз поставить не могли. Я лежала месяцами. Меня же хоронить собирались. Так и ничего, выжила.

– Да, я помню про волчанку. Жаль, Доктор Хаус был не настоящий. Он бы оценил. Да и точно поставил бы диагноз.

– Кто?

– Ой, не важно...

– Так вот врачи все эти. Шарлатаны. Я всегда знала лучше всех этих лечил в белых халатах, что смогу выжить. А твоя мама всё им верит. Вон аж куда поехала лечиться. Лишь бы денег потратить побольше. Здоровье у неё конское, чего бы ей тут сделалось? Ан ничего и не случилось бы. Тут только настрой на жизнь нужен.

– Думаешь он есть? Иногда мне кажется, что она так несчастна, что может даже не попытаться из этого вылезти. Может она вообще сама себе придумала эту болезнь, чтобы умереть. Я вот про такое читала.

– Ха. Прожить всю жизнь с твоим отцом. Никто не смог бы остаться счастливым.

– Ну Бабу. Мы столько раз уже ругались на эту тему!

– Сама спросила. Да только если с твоим отцом жить и она вправду несчастная, то точно не очухается.

– Бабу... – крикнула я и почувствовала неладное.

Ох, как зря случился наш разговор. Резко пришла знакомая тошнота, головная боль. После огромный пугающий мир стал расширяться.

А я и забыла, что Бабу ещё не знакома с моей новой стороной. Со стороны увидела, как бабушка проворно вскакивает, а вы помните, что она не отличалось изящным строением, и несётся ко мне. Интересно, стоит ли мне ждать порции угля или обойдётся?

Очень хотелось понаблюдать со стороны как бабушка суетится и прыгает вокруг меня, но дети поразительно много спят. Я почти сразу уснула.

Проснувшись, уши уткнулись в тишину. Телевизор не работал, а Бабу не было слышно. Тихонько зашевелилась, хотела её позвать, но тут же увидела её рядом и почувствовала, как она берёт меня на руки. Странно, но почему-то у меня не было такого же радостного чувства внутри как от маминых рук. Бабу делала всё очень аккуратно и проворно, на удивление, ведь она так давно не общалась с детьми. Несмотря на это стало немного грустно. Захотелось к маме. Не выдержала и снова расплакалась. Удивительное чувство. Словно очищение. Будто все эмоции, что копились, были тёмными и давили изнутри, а теперь было пусто, но этого спокойно. Пару раз, пока я вдоволь редела, казалось, что глаза порвутся от такого напора, а лёгкие от такого крика. Бабушка в панике пыталась что-то придумать и гладила мою руку, что-то шептала про себя.

Мне же стало легче, словно я впервые так полноценно позволила себе выпустить эмоции. Сквозь туман слёз слышала собственную истерику. Потом почувствовала, что обратно расту.

Глава 7

Печальным детством никого не удивить. Наши бабушки-дедушки, а у многих мамы-папы жили ещё в советское время. Кто-то ближе к жутким военным дням и последовавшей разрухе, кто-то в период перестройки. Это не важно, ведь так или иначе все эти годы происходила какая-то жопа.

Почти каждый большую часть жизни проводил в страхе, что деньги могут обесцениться. Было непонятно, в каких банках их хранить: стеклянных или государственных; стоит ли копить бумажки или скупать золото. А может обрастать недвижимостью, если хватает ресурсов. Бывали же периоды, когда денег просто не было. Это было особенно ужасно, но тогда снималась печальная необходимость в пристройке этих самых горемычных средств.

Вот в один из таких пластов истории и Бабу прорвала мощным криком дорогу в этот. Кстати, на самом деле её зовут Раиса. Раиса Анатольевна, если захотите быть с ней вежливыми, что я бы рекомендовала каждому, кто с ней общался. Папа всю мою жизнь обращался к ней только так. Ни разу в жизни он не позволил себе провокационного «тёща» и уж тем более «мама». За глаза, конечно же, он придумал и другие клички, но я стараюсь не повторять за родителями такие выражения.

Так вот, детство Бабу проходило в то время, когда ещё был запрет церковью на уровне государства. В те годы они с бабушкой и тётками прятали дома иконы и молились так тихо, чтобы не услышали даже тараканы. Эти были времена красные и голодные. Но вера в свою страну все эти годы держал всех на плаву. Отчаянная слепая вера, а ещё страх.

Детство было голодным, иногда несправедливым и злым. Да, тогда тоже случались драки с мальчишками и девочками. При этом детство было наполнено босоногим счастьем, взаимоподдержкой и дружбой. Маленькая Рая росла с отцом. Мама умерла от болезни, оставив миру Раю и ещё несколько детей. Кроме отца, её воспитывала бабушка и родная тётка. Отец был периодическим. Иногда он работал, занимался хозяйством, но чаще пил. Во время запоев, конечно же, свои функции выполнять он не мог, поэтому они автоматически передавались бабушке и тёткам.

Бабу всегда была умной и очень любознательной, но так как было несколько братьев сестра, то речи об учёбе никакой не было. Младших брата с сестрой и так пришлось отдать в детский дом, потому что невозможно было пьющему отцу поднимать всю семью, даже при помощи бабушки и тётки.

Работать ей пришлось пойти рано. Отец в итоге спился, бабушка болела, а обе тётки сами растили детей. Пришлось ставить детство «на стоп», и отправляться на поиски работы, попутно придумывая, как получить хоть какое-то образование.

Что всегда меня поражало, так это то, что Бабу вспоминает эти годы с улыбкой. По её словам, именно тогда случились первые танцы, первые деньги, на которые можно было купить маленький кулёк конфет или целые сапоги. В те же годы случались первые походы в кинотеатр, первая любовь.

Жизнь сделала Бабу сильной. Когда-то жизнь взяла доверчивую Бабу за руку и била обо все встречные столбы на пути, пока она не научилась закрывать лицо. Потом Бабу удалось вырвать свою руку и сбежать, показать этой же рукой неприличный жест и идти уже самостоятельно. Правда, привычка остерегаться и быть твёрдой осталась.

Раиса всегда говорила правду, точнее рубила её топором как лесник дрова: со всей силы – колко, резко; так, что летели щепки во всех, кто оказался в опасной близости. Она всегда умела защищать свою семью. Могла бы с лёгкостью забить врага словами и даже ударить. Незавидная участь была у тех, кто покушался на самых ценных людей. Что касается самой семьи, то и наслезвие правды и топор упрёков не обходил стороной. В случае чего попадало всем.

Она всегда учила меня честности, страхом вселяла ненависть ко лжи и лицемерию. Зато всегда давала простор моему воображению, старалась развивать и обучать. Моё обучение всегда стояло на первом месте, правда при этом она умудрялась подавлять меня. По правде сказать, Бабу я очень боялась, особенно в детстве, боялась расстроить её или разочаровать.

– От любви до ненависти один шаг. Ты только что сделала половину шага.

Говорила она, когда ей не нравилось моё поведение. Мой маленький мозг начинал паниковать. Я сильно боялась, что она действительно перестанет меня любить. Долгое время это преследовало меня. Возможно, я только теперь начинаю отходить от этого душащего страха.

Не знаю какой была Бабу с мамой, но как-то раз она призналась, что мечтала быть бабушкой. Мне отчаянно не хотелось даже взрости, не то чтобы быть старой. А Бабу всегда этого хотела. Странно.

Бабу всегда была очень яркой и общительной, но при этом всё к старости у неё почти не оказалось близких друзей. Всегда были какие-то приятельницы с работы, старые знакомые и призраки из детства. Друзей серьёзных никогда не было.

Может, Бабу была слишком жёсткой. Многие старались с ней лишней раз не связываться. Она любила ругаться в транспорте, первой вступая в дурацкие перепалки, за которые мне и маме всегда было стыдно. Наша Раиса всегда могла хлётко обругать любого мужика или заехать сумкой со всей силы по капоту машине, которая резко остановилась перед ней на перекрёстке. Иногда мне казалось, что она ничего не боится – ни старости, ни смерти.

При этом она всегда легко относилась ко всему, что с ней происходит в жизни.

– Мама! Посмотри какая опять ужасная стрижка! – восклицала моя мама, увидев Бабу после похода в «салон».

– Ну немножко короче. Да и не зубы же, отрастут. И вообще мне нравится, я так и хотела!

Что ещё вспоминается о бабушкиной жизни... Пожалуй, не припомню, чтобы она жаловалась. Она яростно грызла жизнь, когда та снова поворачивалась чёртовой стороной, всегда догрызаясь до более мягкой и спокойной части.

Сколько я её помнила, она всегда казалось человеком-скалой, но сейчас чаще кажется, что жизнь начинает снова брать бабушку за руку и вести куда-то в конец. Временами Бабу выглядела выдохшейся и растерянной, будто чувствовала, что её уже никто так не боится, как раньше. Только желание доминировать никак не могло уступить место более спокойным чертам характера, и мы постоянно наблюдали, как отчаянно Бабу пытается удержать власть даже в нашем доме. Обычно мы старались давать ей возможность чувствовать превосходство, но сильно устали за годы тирании и всё реже прогибались.

Бабу чувствовала потерю власти и искала новые способы контроля. Сейчас она стала более молчалива и стратегична. Училась оттачивать манипуляции, основанные на нашем чувстве вины и привязывала нас к себе собственным плохим здоровьем. Бабу менялась, становясь более капризной, но железный стержень пока всё равно никому из нас не удалось даже немного согнуть.

Есть несколько вещей, в которые Бабу всегда верила – внутренняя сила (могла придумать любую болезнь, но также легко с ней справиться), а ещё в чудодейственную силу активированного угля и то, что микроволновки придуманы для того, чтобы уничтожить человечество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.